

мастер криминальных тайн

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Власть маски

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Dm_Cherry, Roland Nyari, Art of Life / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Власть маски / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-097480-1

Это самое сокрушительное поражение эксперта-аналитика Дронго. На вилле популярной кинозвезды Кристин Ландегрен убит ее муж — известный репортер Антонио Моничелли, а спустя короткое время убивают и саму актрису. И Дронго, который был рядом, который знал, что актрисе присылали письма с угрозами, не сумел предотвратить эти преступления. Более того, убийца не сомневался, что знаменитый сыщик сделает все, чтобы не называть его имени. Самое удивительное, что он оказался прав: Дронго, зная истину, тщательно скрывает ее...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097480-1

© Абдуллаев Ч.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

«И вдруг ее лицо становится великолепным лицом Медузы, которое я когда-то так любил: исполненное ненависти, перекошенное, ядовитое. Анни меняет не выражение, она меняет лицо, как античные актеры меняли маски — в мгновение ока. И каждая из этих масок призвана творить определенную атмосферу, задавать тон тому, что последует. Маска появляется и остается неизменной, покуда Анни говорит. Потом маска спадает, отделяется от Анни».

«Тошнота». Жан Поль Сартр

Если вы стелете постель, то обязательно должны в нее лечь.

Английская поговорка

ГЛАВА 1

Когда пройдет несколько лет, он будет часто вспоминать именно это дело. Возможно, оно было по-своему уникальным, единственным в своем роде. Возможно, ему никогда не приходилось сталкиваться с таким изощренным преступлением. А может, он просто не хотел признаваться самому себе, что впервые потерпел поражение в деле, в котором, как он считал, разбирался лучше всех остальных. Или его поражение было запланировано, так как он отчасти преопределил

развитие ситуации, в которой оказался в результате расследования этого дела.

В этот осенний день Дронго читал новую биографию Черчилля, изданную в Лондоне. Он недавно заказал себе эту книгу и теперь с интересом узнавал массу прежде неизвестных ему подробностей о жизни выдающегося английского политика. Было около семи часов вечера, когда ему позвонил Эдгар Вейдеманис, его напарник и друг, который помогал ему все последние годы.

— Тебя ищет один очень известный человек, — сообщил Эдгар со своим неистребимым латышским акцентом.

— Надеюсь, что не Президент России, — пошутил Дронго, — мне было бы трудно ему отказать.

— Почти такой же известный, — в тон ему ответил Вейдеманис. — Это руководитель российских кинематографистов Никита Симаков. Самый известный российский режиссер в мире.

— Я хорошо знаю его отца, — ответил Дронго, — и даже старшего брата. Мы несколько раз встречались. Но с Никитой Симаковым не знаком. Хотя все его фильмы, конечно, видел.

— Он хочет тебя увидеть, — сообщил Эдгар. — Уже два раза звонил его помощник. Просят дать твой прямой номер. Либо мобильный, либо городской.

— Если просят, нужно дать. А какое дело у них может быть ко мне? Я не совсем понимаю...

— Я тоже не понимаю. Но если ты разрешишь, они сейчас перезвонят тебе.

— Валяй, — согласился Дронго. Он убрал книгу и положил трубку, ожидая звонка.

Через минуту действительно раздался звонок. Он снял трубку и услышал характерный знакомый голос известного режиссера.

— Здравствуйте, — сказал Симаков. — Это господин Дронго? Извините, что я вас так называю. Но мне рекомендовали обращаться к вам именно таким образом.

— Да, — ответил Дронго, — добрый день, господин Симаков. Я вас узнал. Ваш голос очень похож на голос вашего отца.

— Знаю-знаю, — немного певуче сказал режиссер, — вы с ним хорошо знакомы. Он мне говорил. Должен сказать, что он очень высокого мнения о ваших способностях.

— Спасибо. Я ценю его доброе отношение...

— И поэтому я, собственно, вам и позвонил. Нам нужно встретиться и переговорить. Когда это можно сделать?

— Когда хотите. Я готов встретиться с вами в любом месте и в любое время.

— В данном случае у меня к вам важное дело, и поэтому вы сами можете выбрать территорию, на которой, так сказать, состоится наша встреча.

— Мне все равно. Но разговор пойдет о деле, которое имеет отношение к моей профессии?

- Безусловно.
- Тогда давайте встретимся на проспекте Мира. Там у нас небольшой офис.
- Я бы не хотел, чтобы нашу встречу как-то зафиксировали посторонние люди. Может, в каком-нибудь ресторане?
- Тогда в «Пушкине» на Тверском бульваре.
- Почему именно «Пушкин»?
- Я знаю ваши пристрастия. И ваш любимый ресторан.
- Интересно. Вы специально готовились к разговору со мной или действительно знаете?
- Когда в Москве проходит Международный кинофестиваль, об этом обычно пишут все газеты. Вы, как правило, приглашаете туда своих гостей.
- Не читал. Но все равно интересно. Значит, все-таки в «Пушкине»?
- Я боюсь, что ресторан вообще не лучшее место для подобных разговоров. Можно в каком-нибудь закрытом клубе, но вы хотите сохранить конфиденциальность. Тогда лучше у меня дома. Завтра в семь часов вечера. Если вы сможете...
- Конечно, смогу. Обязательно приеду.
- Запишите адрес.
- Не нужно. Я знаю ваш домашний адрес. Я тоже готовился к встрече с вами.
- Тогда до завтра...
- И вот еще что... Одна просьба. Я знаю, что

вы обычно принимаете гостей в присутствии своего помощника господина... такая сложная латышская фамилия... Вейдеманиса...

Очевидно, режиссеру кто-то дал записку с именем Эдгара.

— Да, он мой напарник.

— Понимаю. Такое своеобразное повторение Шерлока Холмса и его соседа по квартире доктора Ватсона. Только у меня к вам большая просьба. Давайте обойдемся завтра без Ватсона. Дело касается не меня лично, а я дал слово, что о нашем разговоре никто не узнает. Вы меня понимаете?

— По-моему, вы узнали обо мне все, что можно было узнать.

— Вы известный частный детектив. Поэтому собрать информацию о вас было нетрудно.

— Хорошо. Я буду завтра вечером один.

— Превосходно. Значит, мы договорились. Завтра вечером я к вам заеду. До свидания.

Дронго положил трубку. Станный звонок. О чем может попросить его известный режиссер. И почему такая непонятная секретность. Он перезвонил Эдгару и коротко пересказал ему разговор со своим предыдущим собеседником.

— Возможно, это имеет отношение к иностранным актерам или партнерам, что-нибудь конфиденциальное, о чем никто не должен знать, — предположил Вейдеманис.

— Он не хочет, чтобы его даже видели вместе

со мной, — задумчиво сказал Дронго. — Наверное, кто-то обратился к нему с подобной просьбой.

— Завтра все узнаешь, — рассудительно заметил Эдгар.

На следующий день, в три минуты восьмого, раздался звонок режиссера от подъезда его дома. Дронго уже предупредил сидевших внизу охранников, что к нему придет гость. В его московском и бакинском домах в подъездах дежурили сотрудники охраны. Он намеренно выбрал дома с охраной: в них можно было чувствовать себя в относительной безопасности. Кроме того, пространство вокруг дома и в гараже просматривалось при помощи видеокамер.

Симаков поднялся к нему через несколько минут. Он был в темной куртке, светлых брюках, сером джемпере. Повесив куртку на вешалку, он прошел в гостиную. Они расположились в глубоких креслах. Дронго подвинул гостю столик с напитками и фруктами.

— Как видите, в квартире никого нет, — улыбнулся Дронго, — и даже мне никто не помогает. Что вы будете пить?

— Ничего. Только минеральную воду. И ради бога, не беспокойтесь. Я не собираюсь долго злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Ничего страшного. Между прочим, в моем кабинете есть фотография, где я снят с вашим отцом.

— Я знаю эту фотографию. У вас ведь такая разница в возрасте. Лет сорок?

— Больше. Почти пятьдесят, — ответил Дронго. — Впечатляет. Умение понимать людей другого поколения относится к числу достоинств?

— Никогда об этом не думал. Значит, у нас с вами тоже разница в возрасте лет двадцать, — сказал Симаков.

— Пятнадцать.

— Неплохо. Совсем неплохо. У вас сейчас самый продуктивный возраст. Время расцвета политиков и бизнесменов.

— Ни тем и ни другим я не собираюсь заниматься в ближайшие лет пятьдесят. Потом посмотрим...

Гость улыбнулся. Открыл бутылку минеральной воды, наполнил стакан. Выпил. Поставил пустой стакан на столик.

— Я пришел к вам по просьбе моей знакомой. Вы понимаете, что, если вы не примете мое предложение, наш разговор должен остаться между нами?

— Конечно.

— В таком случае начнем. Вы слышали когда-нибудь о Кристин Линдегрен?

— Немного. Знаю, что она довольно популярна в Соединенных Штатах. Актриса. Снималась во многих фильмах. Вот, собственно, и все...

Симаков улыбнулся. Замахал руками.

— Хорошо, что вас не слышат кинокритики. Они бы вас разорвали на кусочки. Кристин Линдгрэн сегодня одна из самых ведущих актрис Америки. Она звезда нескольких телевизионных сериалов. Получает самые высокие гонорары. Последний сериал с ее участием был номинирован на самые престижные премии и обошел даже «Секс в большом городе». Можете себе представить? Имеет кучу разных наград. Кроме того, она снималась в двух фильмах у Вуди Аллена и была даже номинирована на «Оскар».

— Вы меня убедили. Признаю, что вы лучший эксперт в этой области. Я не сомневаюсь, что все обстоит именно так, как вы говорите.

— К тому же она очень хороший человек. У нее много знакомых в Москве. Она приезжала к нам два года назад. Вместе со своим последним мужем. Очень красивая пара. Он немного моложе нее, но смотрятся они великолепно. Ну вы знаете, сейчас женщина в пятьдесят может выглядеть на тридцать.

— А ей сколько?

— Сорок восемь. Хороший возраст и для женщины. В общем, она позвонила мне несколько дней назад и попросила о помощи...

Симаков посмотрел на минеральную воду. Сделал долгую актерскую паузу. Взял бутылку, снова налил воды и снова выпил. Затем улыбнулся хозяину:

— И она сама назвала мне ваше имя. Прошу прощения, она назвала вас так, как вас все знают. И попросила переговорить с вами.

— Я не совсем понимаю. О чем переговорить?

— Она хочет с вами встретиться. Лично встретиться и переговорить. Ей рекомендовали вас в качестве лучшего частного детектива. Или лучшего эксперта-аналитика. Как вам больше нравится. Насколько я знаю, она слышала о вашем расследовании, которое вы провели в девяносто седьмом году в Каннах, во время пятидесятого юбилейного фестиваля.

Дронго не изменился в лице. Но он хорошо помнил то, о чем говорил его гость. Во дворце во время церемонии закрытия фестиваля и демонстрации последнего фильма должен был произойти террористический акт. Им тогда с трудом удалось его предотвратить. Дронго помнил, но ничего не ответил.

— Насколько я понял, — продолжал Симарков, — она искала лучшего среди экспертов-аналитиков. И остановила свой выбор на вас.

— Где она находится?

— В данную минуту? В Монреале. Но она будет ждать вас в Лос-Анджелесе. Мы договорились, что я передам вам ее предложение.

— Простите, я не совсем вас понял. Почему нельзя поговорить по телефону. Или посредством Интернета?

— Исключено. Я тоже задал ей этот вопрос. Она хочет увидеть вас лично. Сказала, чтобы вы ни о чем не беспокоились. Она оплатит вам билет первого класса в Лос-Анджелес, заплатит за номер по вашему желанию в любом отеле города. И оплатит все ваши дополнительные расходы. Но ей нужно увидеть вас лично и переговорить с вами по какому-то очень важному вопросу. Насколько я понял, этот вопрос имеет очень конкретное отношение к вашей профессии.

— Понимаю. Но здесь есть небольшая сложность. Я терпеть не могу летать самолетами, и тем более так далеко.

— Вы никогда не были в Америке? — удивился режиссер.

— Много раз. И в Северной, и в Южной. Но каждый раз, летя в самолете, испытывал некий дискомфорт.

— Я думаю, что первым классом можно слетать, — сказал Симаков, — тем более что вы можете отказаться от работы. Никто вас не неволит, не заставляет. Ваша задача всего лишь встретиться с ней. Возможно, вы не понравитесь друг другу.

— Лететь через океан и через всю Америку, чтобы понравиться женщине. Мне это довольно сложно... Извините, но я не знаю, зачем мне нужно лететь так далеко. И пока я не совсем понимаю цели...

— Это мы тоже обсуждали, — весело кивнул

режиссер, перебивая Дронго, — и она попросила меня передать вам ее следующие условия. Если вы ей подойдете, она заплатит вам гонорар в двести тысяч долларов. Двести тысяч долларов. Эта сумма с одной двойкой и пятью нулями. — Он нарисовал в воздухе двойку и каждый ноль указательным пальцем правой руки и почти победно взглянул на Дронго. Но даже такая сумма не могла произвести должного впечатления на хозяина квартиры. Он усмехнулся:

— Солидная сумма. Но для моего согласия все же недостаточная. Я должен понимать, почему я туда лечу...

— Вы выдвигаете свои условия? — уточнил Симаков.

— Я думаю, что нам можно предварительно поговорить по телефону. А уже потом обоим определяться. Возможно, мы действительно не понравимся друг другу.

— Разумно. Но у нее свои условия. И я приехал сюда, чтобы передать вам ее послание. Никаких предварительных разговоров. Она хочет лично увидеть вас и решить — подходите ли вы ей для конкретной работы или нет.

— И вы не знаете, о чем идет речь?

— Понятия не имею.

— Я должен подумать.

— Безусловно. — Режиссер взглянул на часы. — Ой, я, кажется, уже опаздываю. Извините,